

Весной этого года журналист Игорь Свиначенко побеседовал с женщиной, которая стала, без преувеличения, одной из легенд Экономического факультета, Маркианой Николаевной Осьмовой. Мы предлагаем вашему вниманию фрагменты этой беседы.

Маркиана Осьмова была в чистом виде представительницей элиты, золотой молодежи, жила, да и сейчас живет в Доме на Набережной. И в престижный вуз она поступила, не сдавая никаких экзаменов. Но не по благу, нет – а как фронтовичка. Да, в 41-м она пришла в военкомат и попросилась на войну. В ту зиму, когда открывался Экономический факультет МГУ, Маркиана Николаевна воевала. Недолго, ее комиссовали по здоровью, – но вот пошла же на войну.

Да, она сперва повоевала, а уж потом пошла на экономический. Так-то. И самое красивое в ней сегодня то, что она бодрa, весела, у нее есть интерес к жизни! у нее сверкают глаза! А что она работает, преподает, это известно...

– Как вы попали на фронт? Как так получилось? Мужики и те далеко не все отважились, не все воевали...

– Попала на фронт? Просто решила, что надо защищать Родину.

– Вы просто пришли в военкомат и попросились на войну?

– Да. Я сперва окончила Ульяновское училище связи, это заняло несколько месяцев. Я воевала в 33-м полку связи, это юго-запад, окрестности Рузы. Отвратительная была погода, и не только погода, а вообще местность ужасная – болота. Болота, сплошные болота. И вот с тех пор у меня плохо с ногами, потому что ноги были все время мокрые. Но в общем вот так, я была энергичной такой женщиной, захотелось быть в передних рядах. И вот я окончила училище связи... Воевала, делала все, что полагается связисту. Вот сейчас вспоминаю: однажды ночью, зимой, это зима 41-42-го, я одна стояла в лесу. Я была на самом деле часовая, но мы между собой говорили – «дежурная». Кругом лес, блиндажи, землянки, я охраняю все это. Линия фронта была недалеко. И вдруг из леса кто-то выходит... и идет прямо на меня. Это был шок вообще, вы сами понимаете. Я поднимаю винтовку – мало ли что! Смотрю – это человек, он стоит с поднятыми руками. Немец! Пришел сдаваться! Молодой, года 23, рядовой.

– У вас не было мысли его застрелить? Так сказать, при попытке бегства? Уничтожить врага?

– Нет. Он же не бежал. И не сопротивлялся. Я сделала все, как положено: отвела его к начальству. Мне потом была вынесена благодарность! У меня это записано в деле. Особенного подвига здесь не было, потому что он же сам сдался. Но я все-таки не растерялась, все-таки сделала все, как надо.

– А вы выяснили, почему он сдавался?

– Он сказал, что разочарован, и поэтому не хочет больше воевать. Мне же кажется, что он струсил.

– Как вы с ним разговаривали?

– Он очень плохо, но говорил по-русски, какие-то отдельные слова. Ну а я немножко немецкий понимала, в школе еще изучала. Он просто сказал, что он боится. Так я поняла. Мне показалось, что он был нормальный. Видно, это у него это созревало как-то постепенно, что он должен сдаться.

– Он был с оружием?

– У него был, как я сейчас помню, пистолет.

– Вы его отняли у него?

– Я у него ничего не отнимала, просто направила на него винтовку и повела.

– Это было самое страшное, что вы видели на войне?

– Моменты всякие были... Нас бомбили. Мы наступали. Мы переходили, да, на небольшие расстояния, но мы шли вперед. Меня сильно беспокоило, что ноги все время мокрые. Сапоги полные воды. Портянки выжимаешь – натекают целые лужи. И потом у меня с ногами стало плохо. Меня положили в лазарет. Так что воевала я недолго, где-то чуть более года. А потом меня перевели в Москву, и я какое-то время работала в наркомате обороны, как сейчас говорят, в Министерстве обороны. А в 44-м я поступила в университет. Уже было ясно, что война идет к концу. Я экзамены не сдавала, меня приняли как фронтовичку.

– Как вы выбирали факультет?

– Вообще меня больше интересовали общественные науки. Но я решила, что иду на экономический. Это тоже было осознанно. Я поняла, что, все-таки, основой всего является экономика. Какова экономика, такова и история, тут взаимосвязь огромная. Поступила я на кафедру политэкономии. (Нашей кафедры, где я работаю сейчас, мировой экономики, тогда не было.)

Я прекрасно помню многих блистательных профессоров времен моей учебы. Помню профессора Цаголова – он бесподобно читал лекции, бесподобно! Вот вы бы пришли, послушали – и уже решили бы стать только экономистом и больше никем. Он заинтересовывал людей. А это главное – заинтересовать, я тогда это поняла. И я, между прочим, объясняю студентам, аспирантам и докторантам, что тему надо выбирать не только актуальную и важную, она должна еще и заинтересовать человека. Если тема не заинтересовала – человек к ней безразличен, она так, постольку поскольку. А если он увлекся уже этой темой... Он должен быть так же увлечен, как мужчина увлекается женщиной! Так увлечен, чтобы он головой туда нырнул, и там уже начинал исследовать, что к чему! Это я всегда повторяю.

– Ну, что значит – «надо», «должен»? **Ведь большинство людей не могут серьезно увлечься ничем. У них слабые чувства. Что с этим можно сделать?**

– А некоторые говорят: «Что такое любовь? Мы вообще не знаем, что такое любовь».

– **Но уж вы-то знаете, судя по вашему темпераменту.**

– Я вообще увлекающийся человек, да. У меня есть друзья, с которыми мне интересно. Вообще, больше всего удовольствия я получаю от беседы с человеком, который мне интересен. У меня есть друзья, которые ко мне приходят, мы беседуем на разные совершенно темы. Это самое большое удовольствие в жизни. Еще одно увлечение – это книги. Конечно, я много читаю, я обожаю это.

...Мой папа был рабочий. На станке работал, кажется, на токарном. Город Гусь-Хрустальный... В трех городах есть улицы его имени. Он потом переехал в Москву, здесь в ЦК работал и так далее. А мама была из интеллигенции. У нее папа был управляющим каким-то заводом. Вот такое сочетание: мой папа –

рабочий, а мама была все-таки более интеллигентная, более воспитанная. У нас в Москве была квартира, в ней и сейчас я живу. Это Дом на Набережной – знаете такой?

– О, да, это серьезно! А кто были ваши однокурсники? Было много фронтовиков среди них?

– Были фронтовики. Они, может быть, отличались тем, что меньше боялись выступать, критиковать. Это у меня осталось и сейчас, я могу высказать свое мнение. Это общая какая-то черта для фронтовиков – у нас больше смелости.

– Вы свои награды носите?

– Не ношу. Я вообще не люблю все эти вещи: я, там, заслуженный профессор, заслуженный то-то-то, – я нигде это не пишу.

...Знаете, что объединяло наш факультет? Мы были на первом месте по физкультуре на университетских соревнованиях! И на первом месте по художественной самодеятельности! Вот эта вот церковь святой Татьяны, знаете, на углу, на Моховой? Там был раньше ДК ГФ. Я тоже туда ходила, я там Высоцкого слушала, – с удовольствием, конечно. Там был еще Марк Розовский, хороший такой. Это все было при мне! Мы и пели, у нас были какие-то соревнования, у нас были бесконечные концерты – это тоже спланивало факультет. Сама я присутствовала как зритель, но вообще я пою. В основном, романсы. Я когда-то хорошо играла в теннис, плавала...

...Я за то, чтобы человек учился и действовал всю жизнь. Я считаю, что человек должен учиться до самой смерти. Я не считаю, что я вот кончила университет, аспирантуру – и хватит, нет! Я учусь все время. Я учусь у тех же студентов, у тех же аспирантов, учусь у своих друзей. Вот могу учиться с удовольствием, и у вас тоже могла бы, причем я этого не стесняюсь.

Самое трудное, конечно, это познать не историю, а познать человека. Потому что сам человек – это космос...

– Значит, говорите, надо следить за новостями, читать, думать...

– Главное – думать. Плохо, что у нас разучились думать! Вы с этим согласны?

– А что, умели раньше?

– Я не знаю... Но надо учиться, учиться думать! Вот как у нас смотрят телевизор? Проглатывают без всякого обсуждения. Есть, конечно, те, которые думают, – но большинство проглатывает, и всё. А думать – это должно быть потребностью! Такой же, как потребность в пище! Она должна быть с самого детства!